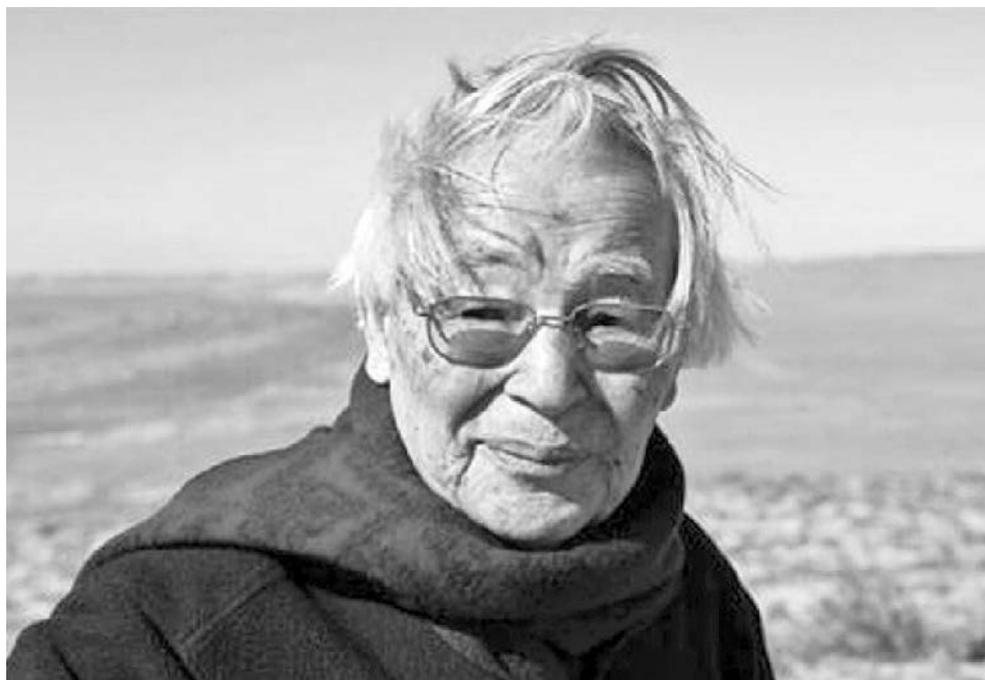

К 100-летию Абдижамила Нурпеисова

Валерий МИХАЙЛОВ

«ОБРАЗ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ...»

Жарким летним днем послевоенного 1947 года ехал по приаральской степи на телеге молодой человек двадцати двух лет. Он молча смотрел на выжженную солнцем желтую землю, поросшую седыми клочками полыни. Телегу потряхивало на кочках, старый возница изредка понукал кнутом лошаденку и не мешал думать разговорами. Долог путь от побережья до районного городка, и, когда затекали ноги, парень слезал с повозки, скидывал ботинки и шагал босиком по горячей пыльной дороге. О чем он думал, созерцая невзрачные окрестности? Что вспоминал, взглядывая порой на серое накаленное небо? Что чувствовал?.. Никого, в сущности, не осталось у него на Земле. Подростком еще лишился матери, которую очень любил и жалел. Она умерла молодой и не знала радости в последние годы: отец завел младшую жену, красивую, властную и жестокую, та выживала мать из дому. Заботы, нужда и обида доконали тихую, сердобольную женщину. Но и отец, знатного рода, удачливый охотник и рыбак, недолго задержался в этом мире. Погиб на войне вместе с двумя своими братьями.

Тележные колеса поскрипывали, и звук тут же таял в широком безмолвии степи. Высоко в небе, в густой синеве, парила огромная птица, и тень её легко и неслышно скользила по земле. В земном просторе, в бескрайнем небе, в свободном полете птицы глазу открывалось вечное. Так было всегда...

Молодому человеку в офицерской гимнастерке пришлось немало испытать к двадцати двум своим годам. А если чего понасмотрелся он в жизни, так

людской беды и горя. Сразу после школы, в сорок втором, ушел на фронт. Добирался до части по железной дороге – навстречу эшелоны с детьми, их вывозили в тыл. Голодные, изнуренные, а в глазах недоумение. Ему ли, сироте, сердцем было не понять их одиночество и боль. Первое впечатление от войны осталось самым потрясающим... А когда после Победы вернулся домой в рыбацкий аул на берегу Аральского моря, снова увидел несчастных осиротевших детишек, вдов, нужду, голод.

Глухо громыхла телега, степь дышала опаленной сухью и нагретой солнцем полынью. Путник вглядывался в знакомые суровые дали и думал, что в молчании земли, которую он покидал на долгие четыре года, таится в веках невыразимое страдание, словно память о прошлой жизни, о бесчисленных поколениях предков, что рождались, жили и умирали здесь. Столько слез, столько крови и пота пролито ими в эту землю, что она стала своей. И, видимо, неспроста выпало ему прошагать с винтовкой тысячи верст по чужим краям и уцелеть в боях. Теперь, когда от одних этих мыслей обжигает душу, он вполне ощущает, что такое для него родная земля...

Поздно вечером, в районном городе, он добыл клочок бумаги, ручку и вывел два слова: «Кровь и пот».

* * *

О том, как и почему зарождается в глубине души художественное произведение, никому не дано знать. Тайна творчества сокрыта не только от досужего постороннего взора, но и от самого автора. Зато каждый сочинитель помнит как счастье то мгновение, когда в нем вдруг возник образ будущего творения, когда он разом, от начала и до конца, схватил его суть. Так и Абдижамил Нурпеисов навсегда запомнил тот жаркий день послевоенного сорок седьмого года, когда к нему пришел замысел романа. Но рассказал он об этом далеко не сразу, а спустя несколько десятилетий. К тому времени трилогия «Кровь и пот» была завершена, вышла в свет, переведена на русский, а затем и на другие языки, получила известность в мире.

Замысел пришел не спросясь, когда молодой писатель работал над первым своим романом «Курляндия» – о только что пережитой войне.

Он уволился в запас в конце 1946 года. В полевой сумке лейтенанта лежал десяток листов из школьной тетради, исписанных мелким почерком. И с этим наброском он пришел к довольно известному прозаику Габидену Мустафину. Не без улыбки Абдижамил Каримович однажды поведал про этот случай Герольду Бельгеру. «И это всё?» – с недоумением спросил Мустафин. «Всё», – признался молодой офицер. «Что же я могу сказать?» – «А скажите... скажите, агай, так ли пишут романы?» То есть не было еще у вчерашнего воина ни навыка в сочинительстве, ни тем более литературного мастерства – зато имелось непреодолимое желание выразить нечто в слове, крепнул в душе тот внутренний напор энергии, прямо скажем, эпической энергии, без которого романы не пишутся. Вскоре после разговора с Мустафиным он вернулся к себе и там, в глуши близ Аральского моря, принялся писать свою первую книгу. Трудился над рукописью до самозабвения. В часы уединенной сосредоточенной работы пришло к нему понимание того, что свою жизнь он безраздельно отдаст творчеству.

Тогда, в сорок седьмом году, война была для молодого автора свежей, не отгоревшей болью, от которой хотелось поскорее освободиться. Он вспоминал Сталинград, Курляндию, как встарь называли латышскую землю, другие края, куда заносили фронтовые дороги, но исподволь думал о чем-то другом. Рядом обретались пастухи, рыбаки... обычный люд, пропитание добывающий

ежедневным тяжелым трудом, – но каждый из них, быть может, втайне от себя самого, нес в пережитом частицу истории. А времена им достались такие, что испытывали на излом. Восстание степняков 1916 года, революция, гражданская война... И однажды писатель вдруг с удивлением обнаружил, что это прошлое, отголоски которого он застал в детстве, ему ближе и понятнее, чем та действительность, что недавно прошла на глазах и которую он так добросовестно описывает в романе.

Дело было отнюдь не в том, что он плохо знал фронтовую жизнь или ничего особенного не мог сказать о войне, – нет, просто Нурпеисову открылась родина. Её душа, её судьба, характеры людей. Два года он безвылазно жил в своем далеком от мира пустынном краю, корпел над рукописью, – и незаметно для себя стал понимать подлинный смысл ушедших десятилетий. Что он ведал про отчужденную землю, уходя на войну восемнадцатилетним мальчишкой?.. Но фронт – это такое место, где до доньшка узнаешь и себя, и тех, кто вокруг. Теперь, по возвращении на берега Арала, он постигал всё, что было, и всё, что есть, уже другим, обостренным чутьем, разбуженной совестью, зрелым умом.

* * *

Более века минуло с того незабываемого для Нурпеисова времени, и вот в его алматинском доме я вижу приаральскую степь. Это большой фотографический пейзаж в рамке, висящий на стене. Двое посреди бесконечного желто-зеленого пространства и высокого блекло-синего неба: старый писатель и незнакомый мне молодой парень.

– Это перевал Бель-Аран, – поясняет Абеке. – За ним Арал, северо-западный берег. Залив Тущи-бас, огромный, широкий. Тут море ушло от силы на три-четыре километра. А в других местах, например, с юга, оно отступило на 150-160 километров, с востока – на 110-120. Вот какая здесь была глубина! Я уверен: кто сюда приедет – не догадается, что море сильно усохло и обмелело, что оно умирает... А какая там была прозрачная вода, какие были золотые пляжи!.. Мой аул стоял совсем рядом с этим заливом...

Я спрашиваю, когда он приезжал на родину в последний раз, и с удивлением узнаю, что снимок-то совсем недавний. Июня прошлого года.

– Эх, было бы там всё как прежде, вернулся бы. Я постоянно думаю об этом. Построил бы себе дом и жил с семьей, по крайней мере летом. Я не люблю больших городов, – произносит он тихо, хрипловатым голосом.

И я понимаю, что неспроста вырываются такие признания, что, видимо, причиной тому наши долгие беседы о его судьбе, о писательском пути, о литературе, о войне. Перед встречей я перечитал «Кровь и пот», впервые прочел роман «Последний долг», том статей, очерков, эссе «Возвышая наши святыни». И везде там – дух его родины, Приаралья. Поистине прав великий композитор Георгий Свиридов, в дневниках которого после смерти нашли запись: «Нет беспочвенного гения». В этих словах – суть подлинного искусства, тайна творчества, секрет того высшего качества, доступного художнику, которое называют народностью... Вот недавно пригласили Абдижамилу Каримовича в Россию, единственного из зарубежных (уже!) прозаиков, на очередные Толстовские чтения. Поразительно даже не то, что весьма преклонного возраста писатель отправился в путь за тридевять земель (поездок таких у него с годами не уменьшается), а то, с чего он начал свое выступление под осенним яснополянским небом:

– Я казах. Родился я в глухом ауле, где еще в первозданной незыблемости сохранялись обычаи и традиции казахов, там же прошла моя юность. Позже жизнь привела в широкий мир, где меня окружали люди самых разных наций,

и сделала писателем... В том, как я вижу и воспринимаю мир, прежде всего я являюсь казахом. Все особенности моего отношения к бытию, настрой моего духа были с пеленок выпестованы родным языком, трелью жаворонков, запахами трав и песнями казахских степей моей милой Родины, её особым философски несуетным настроем, её раздольной и скупой красотой...

А далее следовала не менее важная для Нурпеисова мысль: призвание писателя волей-неволей вынуждает обращаться к тому, что едино, что одинаково близко и понятно бесчисленному многообразию людскому. И в какой-то неуловимый миг сыновняя привязанность к родной земле перерастает в твердую уверенность в том, что существует духовное родство всех народов.

Это об объединяющем свойстве литературы в мире, где столько всего разъединяет людей. Причем познано не из теорий, а на собственном опыте. И начало начал – земля отцов. Оттуда – герои его книг Еламан и Жадигер и многие другие. Там рождаются, живут и умирают. Её душу, её святыни – несут с собой в большой мир...

Уже после наших бесед, перелистывая книги, я наткнулся на мысль русско-го священника и философа о. Сергия Булгакова, словно проливающую ясный свет на земное бытие:

«Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божиим творением. Человек существует в человечестве и в природе. И образ его существования дается в его рождении и родине».

* * *

Абдижамил Каримович хорошо запомнил, как отец, не расставшийся с охотой и в райцентре, куда они перебрались из рыболовецкого колхоза перед войной, натаскивал годовалых щенков. Для выучки приводил самую прославленную гончую. Бывало, говаривал: «Нет такой гончей, которая не настигла бы зверя. Важно не настигать, а брать наверняка».

Глубинный смысл отцовских слов он понял позже:

«В самом деле, кем бы ты ни был, если хочешь достичь своей цели, ты должен с малых лет пройти настоящую выучку, познать все тайны мастерства. Счастлив тот, кто не лишен сызмальства мудрой опеки!»

И другое видится в этом совете – стремление к совершенству, к полноте победы.

Писательство – занятие одиночное, и каждому приходится достигать мастерства самому. Другое дело – образование. Что могла дать ему аульская школа или та десятилетка, которую он оканчивал в далеком районном городе?..

– Я до восемнадцати лет ни одной русской книги в руках не держал, – рассказывает Нурпеисов. Только в сорок третьем, зимой, в феврале, впервые прикоснулся. Мы стояли в небольшом городе. Я жил у одной старухи. В доме у нее имелась единственная книга, толстенная, растрепанная, без обложки. Вот я её и читал, понимая, правда, с пятого на десятое. Как потом, много лет спустя, догадался, это был «Спартак» Джованьоли.

Вторую книгу на русском довелось читать осенью 1943 года, на одной из станций в Подмоскowie. Там я провел несколько месяцев в резерве офицерского полка. У нас проходили занятия по тактике, строевой подготовке и тому подобное. Я обычно устраивался на заднем ряду, под столом на коленях книга. Роман Яна «Чингисхан». Конечно, заметили, что я все время читаю. Пропесочили стишком в стенгазете. Что-то вроде:

*На тактике и огневой он профан –
На занятиях читает роман.*

А в сорок четвертом, в мае, наши войска вошли в Латвию, взяли Ригу, отеснили немцев дальше. Штаб моей артиллерийской бригады до осени осел в уездном городке. У соседки моих хозяев, пожилой, очень грамотной латышки по имени мадам Роза, я набрел на огромную библиотеку. Множество дореволюционных книг рижского издателя Гудкова, труды по философии, истории, на разных языках. Однажды попался на глаза роман Золя «Разгром», о войне под Седаном в Эльзас-Лотарингии. Это первая книга на русском, которую я понял более-менее всю. Настолько мне она понравилась, что повлияла на мой роман «Курляндия», который я начал писать после демобилизации. Кстати, никто из критиков об этом влиянии не догадался. А сюжет своего первого романа я выстраивал под прямым воздействием книги Золя.

Да, чуть ранее, в сорок четвертом же году, в апреле месяце, я провел недельку в городе Новошахтинске Донецкой области. С одним русским парнем, капитаном, ждали назначения на Южный фронт. Помню даже точный адрес, где мы жили: улица Ворошилова, дом 92. После завтрака мой сосед заваливался на узкую железную кровать с книгой. Это была «Война и мир». Почитает немного – и засыпает, а том валится на пол. Я подбираю и принимаюсь читать. Так продолжалось два дня. На третий капитан вместо того, чтобы мирно задремать, вдруг приподнялся и со злостью зашвырнул книгу в угол. Рывкнул: «О чем только пишу!..» А я – дочитал до конца. Хотя, признаться, толком всего не понял. И русского тогда как следует не знал, а тут вначале по-французски. Но какое-то подспудное, слепое влечение к прозе Толстого я всё же ощутил!

Почему я так говорю? После войны, в Аральске, в доме у дяди я работал над романом «Курляндия». Дядя, главбух рыбпотребсоюза, дважды в год ездил в Москву сдавать отчет. Как-то спрашивает: что тебе привезти? Я заказал «Войну и мир» – по-русски уже хорошо читал. Привез. Прекрасное издание, в бордовой обложке. И вот, не совру, эта книга сделалась настольной... Да что говорить, по сей день постоянно перечитываю двух самых любимых писателей – Толстого и Ауэзова. А кое-что из «Войны и мира», первой и второй книг «Пути Абая» – на память знаю...

Так, постепенно овладевая русским языком, начинал он осваивать мировую классику, тогда еще почти не переведенную на казахский. В медлительности, неторопливости, смолоду свойственным Абдижамилу Каримовичу, если что и угадывалось стороннему взору, то основательность, серьезность, несуетность. Но основой всему, по моему твердому убеждению, была и остается великая, потаенно-горячая, трепетно-бережная любовь к слову. Редко она прорывается наружу, лишь однажды я был свидетелем этого.

А было так. Прочитав в его книге размышлений эссе о Тургеневе, Достоевском, Гончарове, Горьком, Абае, Ауэзове, Мусрепове и других великанах литературы, я отметил про себя, что о Шолохове ничего не сказано. И когда зашел разговор о читательских пристрастиях Нурпеисова, спросил, как он относится к Шолохову.

– Безумно люблю! – вдруг порывисто вымолвил он, обычно медлительный и в речи. Причем его лицо разом изменилось, точнее, преобразилось: восторгом загорелись глаза, в счастливой улыбке словно отпечатались радостное воспоминание – и долго еще не гасло. – Особенно люблю первую, вторую и четвертую книгу «Тихого Дона». Бог ты мой! Это несказанно гениальный писатель! ...Мальчишка был, когда начинал, а какие тонкости человеческой психологии уже постигал!..

Эта же неутолимая любовь к слову понуждает Нурпеисова каждый год перечитывать первый том «Пути Абая», блистающего красотой слога и великолепием характеров и картин.

А разве не то же самое чувство подвигало его всю жизнь к вершинам мастерства? Первый многотрудный опыт писательской выучки он дал себе сам, сочиняя «Курляндию». Но вряд ли остался доволен собой, хотя заслужил похвалы у Сабита Муканова и получил за роман республиканскую премию имени Джамбула. Вместо того чтобы, как это водится у начинающих авторов, закрепить успех – то бишь следом написать вторую книгу, Абдижамил Нурпеисов всерьез принялся за свое образование. Поступил на филфак Казахского государственного университета, вскоре перевелся оттуда в Литературный институт имени М. Горького. Изучал литературную классику, историю, переводил на казахский прозу Чехова, Горького и одновременно перерабатывал свой первый роман, без устали отделявал слог, шлифовал... Через восемь лет после выхода в свет, в 1957-м, «похудевший» на двести с лишним страниц, по сути, заново переписанный роман вновь появился в печати, правда, уже под другим названием – «Долгожданный день».

* * *

А тем временем близился для Нурпеисова другой долгожданный день.

Надо хотя бы немного знать неимоверную цепкость и целеустремленность его натуры, чтобы представить, как он шел к нему. С того самого летнего дня 1947 года, когда он задумал роман «Кровь и пот», прошло одиннадцать лет, и всё это время замысел не оставлял его. Зародившись, жил своей жизнью, рос, развивался, обрстал плотью.

В поездках, в беседах со стариками, в библиотеках, в местных и центральных архивах по крупицам он собирал материал, воссоздавая в своем представлении минувшее время, пытаясь в достоверности понять то, что историк Ключевский называл «нравственным образом века». А образ этот, величие и низость эпохи как нельзя лучше раскрывается в жизни и характере людей, особенно незаурядных. И одновременно Нурпеисов и сам созревал как личность, наращивал свое писательское мастерство. А когда заматерел, когда почувствовал свою настоящую силу, когда осознал, что вполне владеет темой и материалом, решительно взялся за труд.

Это было в конце 1958 года.

Как раз в Москву собиралась представительная делегация – на декаду литературы и искусства. В её состав включили и молодого прозаика Абдижамила Нурпеисова. Но он пришел к руководителю республиканского Союза писателей Габиту Мусрепову и сказал: «Книг на русском у меня нет. Никто в Москве меня не знает. Зачем мне туда ехать?» – «Молодец! – одобрил Мусрепов. – Не забуду твой благородный поступок». Оно и понятно, что похвалил, ведь главу писательского союза многие тогда осаждали с требованиями и просьбами о поездке.

Вместо столицы государства Абдижамил Каримович поехал в Челкар, а потом еще дальше, в свой рыбацкий аул на берегу залива Тущи-бас. ...Мне как-то довелось увидеть любительский снимок декабря 1958 года: за скромным дастарханом писатель сидит среди своих земляков – и по открытой улыбке, блеску глаз, развороту плеч сразу чувствуется, сколько в нем молодой энергии, кипящих сил, зрелой уверенности в себе.

В родном ауле Нурпеисов и принялся наконец за роман «Кровь и пот». Писал с рассвета до заката, а потом при свете коптилки. Двадцать пять дней, по

сути, не отрывался от стола. И только тогда приостановил работу, когда вдруг обнаружил, что от перенапряжения весь покрылся какой-то сыпью.

Неожиданно на его имя пришла радиogramма за подписью Мусрепова (телеграммы до этого отдаленного места не доходили). В ней сообщалось, что за активное участие в декаде литературы и искусства он награжден орденом «Знак Почета».

«После “Абая” Мухтара Ауэзова казахскому писателю нужен не только талант, но и смелость, чтобы взяться за исторический роман, – писал в предисловии к первой книге “Сумерки” Юрий Казаков. – Потому что “Абай” для казахской литературы стал тем эталоном, которым всегда будут измеряться эпические произведения других писателей. И, может быть, Нурпеисов не взялся бы написать свою трилогию, но любовь его к своему народу, к жизни рыбаков из бедных аулов, его восторженное пристрастие к степям своей родины были так велики, а история казахов – как древняя, так и новая – освещена в литературе еще так скупо, что Нурпеисов решил стать на какое-то время писателем именно историческим».

Но что значит «исторический писатель»? Не иллюстрации же к событиям минувшего создавал автор. Художник, даже обращаясь к истории и зная её, быть может, не хуже ученого, исследует ту, вполне непостижимую, субстанцию, что называют человеческой душой или, больше того, душой народа. Формула воды, конечно, всем хороша, но океан в ней не отражается. А в капле воды виден и океан, и сверкающее солнце. Человеческое бытие сложнее неодушевленной материи, и, если историк улавливает факты, художник касается самой сути жизни.

Юрий Казаков продолжает:

«Теперь роман дописан. Теперь герои ушли от автора, и он ничего не может больше для них сделать, они отделились от него. Герои всегда живут сами по себе, автор может забыть их или даже отказаться от них, они всё равно будут уже жить в сознании читателя – и тем дольше и ярче, чем больше любил их, чем ярче их видел в свое время автор».

Это написано в 1966 году. Всё верно, книга и её персонажи уже четыре десятилетия живут своей жизнью. Долгой и яркой. Только на русском языке эпопея выдержала одиннадцать изданий, а ведь она еще переведена на многие языки мира. Общий тираж романа достиг шести миллионов экземпляров.

* * *

Первый роман Нурпеисова «Курляндия» за полвека выдержал пять изданий на казахском, но на русском так и не появился. Спрашивается, почему? Еще в Литинституте, представленный в подстрочнике как дипломная работа, он заслужил добрые слова Всеволода Иванова. Позже критик А. Теракопьян, прочитав дословный перевод, советовал познакомить с ним русского читателя. Перевод на русский язык открывал произведению дорогу в большую литературу, к тысячам и тысячам любителей словесности в огромной стране. Но...

Тут надо вспомнить случай, произошедший с Нурпеисовым в пору его послевоенного студенчества. Как-то он прочел на казахском «Анну Каренину» в переводе одного известного литератора. Это было жалкое, беспомощное переложение. «Помнится, я еще тогда подумал: если бы я не знал романа в оригинале, возмутился бы – почему Толстого называют великим?» – сказал он мне. Молодой прозаик написал разгромную статью на 27 страницах и напечатал её в журнале «Жулдыз». После этого переводчик с ним до конца своих дней больше не здоровался. Уже тогда Абдижамил Каримович, имея и свой опыт, пришел к твердому убеждению: успех произведения на родном языке зависит от достоинства оригинала, а на любом другом языке – во многом от мастерства

перевода. А вскоре понял, что сам он в этом деле никогда не пойдет ни на какое соглашательство, просто по натуре не способен.

Тогда к нему из Москвы приехал один крупный писатель, привез перевод «Курляндии» на русский. Роман стоял в плане «Воениздата» и вот-вот должен был выйти в свет. Но текст Нурпеисову не понравился – и он его отверг. Конечно, это был скандал. Автора посчитали чересчур капризным, чуть ли не зазнайкой. Но на компромисс он не пошел, и книга так и не вышла. Хотя понимал: репутацию в издательском мире столицы он получил неважную. А сидел он в ту пору с семьей без денег, да и своей крыши не было. И, согласно договору, должен был еще погашать гонорар, выплаченный переводчику, дабы издательство было не в накладе (что сумел сделать только несколько лет спустя)...

И вот в это самое время ему в руки попался журнал с рассказом Юрия Казакова «Арктур – гончий пес». О собаке, слепой от рождения, которую охотничья страсть, а по сути – верность своему предназначению, заставила каждый день убегать в лес и вплоть до своей гибели гнать невидимую для себя дичь... Казаков был одним из самых ярких прозаиков конца 50-х – 60-х годов. Пронзительно-искренний, открытый, лиричный, всем своим существом отрицающий малейшую фальшь.

– Мне показалось, что нас с Казаковым роднит какая-то интонационная близость. И я решил: только ему отдам переводить свой будущий роман. А если не согласится, пусть книга остается на родном языке, – вспоминает писатель.

Нурпеисов отыскал через знакомых адрес Казакова, отправил ему письмо и принялся ждать. И дождался своего. Хотя потребовалось на это – семь лет.

«Работа с Казаковым была для меня серьезной школой. Смею сказать, что я сам люблю работать над словом. Я убежден, что именно обликом слова определяется облик произведения. Но, признаться, кропотливая работа Казакова над словом меня просто восхищала», – пишет Абдижамил Каримович в очерке, посвященном памяти своего товарища. Добавлю от себя, что эта оценка многого стоит, ибо дана человеком, что десятилетиями (!) не прекращает трудиться над своими произведениями, словно пытаюсь достичь ускользающего, как горизонт, совершенства. Так что не только интонационная близость изначала роднила двух прозаиков, но и редкая взыскательность к слову.

От семи лет их совместного труда – а ведь это, кроме перевода, были бесчисленные корректуры, правки, верстки в издательствах, в журналах, где печатался роман – у Нурпеисова осталась кипа писем Казакова. Однажды я попросил разрешения познакомиться хотя бы с некоторыми, что писатель посчитает нужным показать, но Абдижамил Каримович, порывшись в шкафу, достал плотную, упакованную в целлофан и перехваченную тесьмой связку писем и не раздумывая передал мне:

– Читай!

Возвратясь домой, я прочел всё в тот же вечер.

Даже по обращениям Юрия Павловича видно, как менялись их отношения, быстро перейдя от обычных деловых к товарищеским, с той теплотой и вольной шутливостью в тоне, что предполагают дружество и взаимопонимание. При всем взаимном уважении друг к другу, когда речь заходила о деле, говорились вещи и неприятные: у обоих характер был сильный и прямодушный. И это шло только на пользу работе.

* * *

Ни у одного настоящего писателя не было легкой судьбы. Да она и невозможна, особенно в наших резко континентальных широтах. Такова суть творчества, высокая плата за слово. И еще замечено: чем истиннее читательское при-

знание, тем сильнее и бессмысленнее зависть человеческая. Ярчайший пример – Михаил Шолохов, которому и поныне глаза и души завидующие не могут простить великой книги. Не исключение и Нурпеисов, – только поверхностному взору его писательский путь может показаться гладким и благополучным.

Конечно же, успех трилогии у читателя казахстанского, союзного, а затем и иностранного не обошелся ему даром. По прошествии лет стоит ли вспоминать всякие мелкие и крупные пакости досужего тщеславия и самолюбия, что, разумеется, прикрывались принципиальностью? Лишь один эпизод. Когда в 1974 году выдвигали кандидатов на Госпремию СССР по литературе, правление Союза писателей Казахстана поддержало не Нурпеисова с его трилогией «Кровь и пот», а... поэта из Таджикистана. Это поразило даже издававших виды членов Комитета по Ленинским и Государственным премиям...

В болтливых литературных коридорах давно змеился шепоток о том, что все-де Нурпеисову сделал Казаков, а оригинал никуда не годится. Однажды писатель Георгий Семенов, ученик и большой ценитель Казакова, рассказал Абдижамилу Каримовичу про случай в московском Центральном доме литераторов. Там, за ресторанным столиком, витийствовал шумной, в то время, известности стихотворец, что-де казахский бай Нурпеисов эксплуатирует «нашего Казакова». «Мне пришлось за тебя заступиться, – сказал Семенов. – “Ничего подобного! – возразил я. – Просто Юра сейчас мало пишет своего, а жить надо. Мы все считаемся друзьями... а кто из нас ему помог? Никто! А вот благодаря Нурпеисову он вышел из положения. Я читал подстрочник, у него прекрасный роман”. – “Откуда тебе знать? А мне секретари их Союза писателей говорили...” Вот я тогда и задумался: что же у вас в Алма-Ате за писатели такие?..» – протодушно удивлялся Георгий Семенов.

У Казакова, действительно, в те годы рассказов появлялось всё меньше и меньше. Но зато, в отличие хотя бы от того некогда шумного поэта, он не написал ничего лишнего – пустого и никчемного. «А кто и почему решил, что писать нужно много?..» – с горечью спросил Федор Абрамов на его похоронах в 1982 году.

В письмах Юрия Павловича к Нурпеисову мне встретились отголоски той давней окололитературной возни. В сентябре шестьдесят шестого он пишет:

«Да будем работать! То, что ты писал мне о моих добавлениях, всё это напрасное беспокойство. Во-первых, добавлений или искажений у меня нет никаких, за исключением разве редких фраз, развивающих, как мне кажется, основные твои положения. Во-вторых, от злых языков не убережешься всё равно. Да они и коротки, жизнь у них коротка, у злых языков, тогда как жизнь романа – длинна. Всё пройдет, дорогой, и всё забудется – и моя зима в Алма-Ате, мои капризы, моя ярость к слову и прочее, останется один роман, который будет стоять на полке у тебя и у твоих читателей... Для меня и для тебя важно, чтобы я не подменял тебя собой и чтобы я не вторгался в авторский замысел, в авторские характеры. А характеры-то все остаются – Еламан, каким задуман тобой на казахском, таким вышел и по-русски. Так же точно и другие персонажи».

И, наконец, еще более поясняющее подоплеку сплетен письмо августа 1971 года:

«Друг мой, что тебе сказать об А-ве? (Разумеется, у Казакова фамилия приводилась полностью. – В. М.) Мы-то с тобой знаем, что как бы хорош ни был переводчик, если оригинал плох, то ничего нельзя поделывать. Сей А-в обращался ко мне несколько раз с просьбой переводить **его**. По-видимому, хотел, чтобы я его плохие произведения сделал хорошими? Очень понимаю, как было неприятно тебе слушать эти его гадкие слова, но это даже интересно – до чего может доходить человеческая зависть, – тебе же надо быть спокойным и веселым, по-

тому что, раз тебя такие хорошие писатели, как Ахтанов и Айтматов, признали **своим**, то значит ты тоже хороший писатель, а собаки пусть лают. Собаки брешут из-за углов, а мурза Танирберген спокойно въезжает в аул и его под ручки снимают с коня. Так-то, мой милый».

В прошлом году у Юрия Казакова было две даты: 75 лет со дня рождения и 20 лет со дня смерти. Не многие российские журналы и газеты вспомнили о нем. Два десятилетия его книги не переиздаются. Известно, от какой цветистой, как зло, продукции теперь ломятся полки в книжных магазинах... Но Абдижамил Каримович не забыл давнего друга, и размолвка, что когда-то произошла между ними, не бросила тень на благодарную память. Еще в 86-м он написал очерк воспоминаний, который закончил словами: «В моих глазах Юрий Казаков был и остается олицетворением незапятнанной совести русской советской литературы». А в 2002 году Казахский Пен-центр, возглавляемый Нурпеисовым, выпустил книгу рассказов Казакова «Ночь» с великолепным предисловием Льва Аннинского, написанным специально для этого издания. Несколькими годами ранее Казахский Пен-центр учредил премию по прозе имени Ю. Казакова, – узнав про это, писатель Виктор Конецкий, незадолго до своей кончины, поблагодарил Нурпеисова, хотя прежде не раз высказывал свое недовольство тем, что «Юра связался с переводом».

Разного Казакова звал Нурпеисов, и никогда не забывал о нем. Помнит, как в 74-м, в Георгиевском зале Кремля на вручении Государственной премии страны Юрий Павлович ему сказал: «Да, с-старик, был бы жив твой отец – гордился бы тобой!..» И до сих пор его трогает одно воспоминание – как тот у себя на даче в Абрамцево всякий раз топил для него камин.

– Он понимал: степняку огонь нужен. И хотел, чтобы я у горящего каминка чай пил, чтобы мне хорошо было...

* * *

Летом 2002 года одновременно с книгой рассказов Казакова, выпущенной в Алматы, московское издательство «Культура» напечатало роман Нурпеисова «Последний долг». А осенью Абдижамил Каримович с группой российских и казахстанских литераторов, в рамках задуманного им проекта «Культура без границ», проехал по маршруту Астана – Кокшетау – Петропавловск – Омск. Всюду были встречи с читателями – раньше обычное дело, а теперь немалая редкость. Выступая на заключительном вечере перед интеллигенцией Омска, Нурпеисов сказал:

– Я счастлив и горд, что мой итоговый роман, где я попытался отразить не только трагедию Арала, но и почти вековую драму казахского народа, переживающего слом своих устоев и на глазах всего человечества страдающего в этом мире, безжалостно перемалывающем в своих жерновах малые народы, – я счастлив, что этот роман будет доступен российскому читателю.

Почти четверть века он работал над диалогией. Академик Зейнолла Кабдолов считает, что роман отшлифован до совершенства. «Это настоящее достижение писателя и всей нашей литературы последних лет, это произведение мирового уровня».

Действие в «Последнем долге» уместается вроде бы в одни сутки, романы диологии так и названы – «День», «Ночь», но истинное время событий неизмеримо раздвинуто внутренним пространством сюжета, просверками интуиции и памяти, напряжением мысли и чувства. Это – драма личная, социальная, мировоззренческая, интонационно гибкая, глубокая, необыкновенной психологической и эмоциональной плотности. Она завершается поразительной силы и

трагедийности развязкой, в которой словно звучат слившиеся воедино земные и небесные хоры...

Целых четырнадцать лет ждал Нурпеисов, когда великолепный прозаик Анатолий Ким сможет приняться за перевод романа на русский язык. Вдвое дольше, чем Казакова! И вновь – точный выбор: перевод получился замечательный.

...Абдиджамил Каримович рассказал мне о том, как однажды перед сном, в который раз перечитывая «Последний долг» на русском, он пришел в восторг – и тут же в ужас сомнения: а так ли хорошо у него по-казахски? Поднялся среди ночи с постели, отыскал оригинал – и долго и дотошно сравнивал параллельные страницы текстов. Пока не успокоился: на казахском у него было не хуже, чем на русском у Кима.

Долголетний труд завершен, он выполнен на пределе творческих возможностей и физических сил. Потому и сказал писатель в Омске: я счастлив... Но и тревог своих перед читателями не скрыл. Эти тревоги – о состоянии литературы в обществе, о её будущности.

Из былой властительницы дум литература становится скромной Золушкой на балу, где её не ждут и куда её не зовут, говорил он. Если литература перестанет быть вечно неумолкающей совестью человечества, она будет просто-напросто обречена уйти в небытие. И всё-таки своих собратьев по перу старый писатель призывает не поддаваться чувству безысходности и отчаяния. Он вспоминает тех, кто умел смотреть, не отворачиваясь, в лицо зла, в его черную бездну – и был способен при этом видеть за её пределами бессмертную красоту и добро. «Шекспир и Гете, Пушкин и Абай – разве не были они именно такого закала творцы?»

«Человеку не дано знать будущего – ни своего, ни собственного народа. Всё, что в его силах, – честно исполнять свой долг, исполнять с достоинством, понимая, что закладываешь пусть небольшой, но от этого ничуть не менее значимый фрагмент непрерывного пути рода человеческого». Так он недавно сказал в интервью «Литературной газете».

Ничего необычного или нового в этих словах. Они стары, как мир. Просты, как понятия мужества и верности. Но не напрасно слово молвится. Слово – это выбор между добром и злом, между благом и погibelью. Слово – или созидает, или разрушает.

Нурпеисов подтвердил эти простые слова всей своей жизнью.

***

В последний раз мы виделись в Астане, уже в нынешнем январе. Абдиджамил Каримович выглядел бодро, глаза блестели.

– Надолго в столицу? – спросил я у него.

– Завтра улетаю. Зайду в два-три кабинета – и сразу домой.

– Что так скоро?

– ...Ты знаешь, листал недавно «Кровь и пот» – и вдруг кое-какие места переписать захотелось. И – не удержался, сел за стол. А теперь – так работать хочется!..